



«Старожилы победных боев»

Слово *бой* в русской поэзии XVIII–XX веков

© А. Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук

Бой, одно из ключевых слов военной лексики, широко используется в русской поэтической речи. В поэзии важную роль играет рифма, а она зависит от ряда свойств языка, в том числе и ударения. Каким образом ударение в родительном падеже множественного числа словоформ *бóев* – *боёв* влияет на ритм и рифменные позиции стиха, и выясняется в статье.

Ключевые слова: ударение, акцентные особенности, лексема, словоформа, поэзия, рифма, *бóев* – *героев*.

Слова, обозначающие названия военных событий – *бой*, *битва*, *сражение*, *схватка*, относятся к ключевым словам военной лексики и выступают как синонимы. Все они являются отглагольными существительными, сохраняют в своей семантике указание на процессуальную интенсивность: *бить*, *сразить*, *схватить*. Начиная со «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. [1], словари русского языка

определяют значение слова *бой* как «битва, сражение» (см., например, «Словарь современного русского литературного языка» [2] и др.). Это же значение как основное приводит и «Словарь языка Пушкина» [3].

Словарь любого языка в своей совокупности отражает жизнь народа. Но жизнь народа разнообразна в своих проявлениях, ситуативно непредсказуема и далеко не сразу поддается разумному объяснению. И все эти противоречия так или иначе проявляются в словаре и прежде всего в лексической семантике. В свое время Ч. Филлмор, вскрывая недостатки авторов различных научных парадигм, заключает: «Значения обуславливаются ситуациями. Под ситуацией я разумею осмысленное обособленное восприятие, память, опыт, действие или объект» [4. С. 517–530].

В этой статье мы в основном рассмотрим, как акцентные особенности словоформ родительного падежа множественного числа лексемы *бой* влияют на ее рифменные позиции и лексическую сочетаемость.

Орфоэпические словари современного русского языка признают акцентной нормой при склонении существительного *бой* ударение на первом слоге в единственном числе (за исключением *в бою*) и на втором во множественном: *бой, б́оя, бо́ю..*, но *бои́, боёв, боя́м..* Однако история употребления словоформ существительного *бой* свидетельствует, что ударение на основе довольно долго сохранялось в падежных формах множественного числа.

В поэзии XVIII века у Ломоносова, Богдановича в им.-вин. множественного употребляется, по данным НКРЯ [5], только форма *бои*. Это ударение не изменилось и в начале XIX века. В большинстве стихотворений Пушкина – *боёв* [3]. Особенности употребления существительного *бой* во многом определяли и особенности поэтической рифмы и прежде всего – выбор рифмуемого слова.

Исследованию роли рифмы в создании образа дороги посвящен один из разделов монографии Л.Л. Шестаковой [6], где она называет таких исследователей, как Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров, К. Тарановский, затрагивающих проблемы семантики русской рифмы, связи стихотворного ритма и тематики. Но, по-видимому, не меньший интерес должны представлять наблюдения над связью рифмы, семантики, темы не просто слова, а его конкретных морфологических и акцентных словоформ. В.В. Виноградов видел диалектическое единство формы и содержания, утверждаемое в современной поэтике, именно в тесном соотношении между ритмикой и тематикой. С этой целью он обратился и к концепции Ф. де Соссюра, изложенной в посмертно опубликованных работах, согласно которой «слово является точкой пересечения звуковых и смысловых связей» и привел слова Б.Л. Пастернака: «Музыка слова состоит не в его звучности, а в соотношении между его звучанием и значением» [7]. Виноградов впервые в советском языкознании увязывает вопросы ритмики, мелодики, интонации (что относится в первую очередь к языку

поэзии) «с темами сюжетологии, учением об образе автора», переходя тем самым от языка поэзии к языку художественной речи как таковой. Представляется, что наши наблюдения находятся в русле учения Виноградова о языке поэтической речи, то есть собственно языка поэзии. Исходя из этого, мы и рассмотрим особенности рифмования лексемы *бой* в двух ее акцентных формах.

Если продолжить размышление Ч. Филлмора об обусловленности значений ситуациями, которые «фиксируются в языке текстами» [Там же], то поэтический текст порождает в новых ситуациях не только значения, но и создает дополнительные условия для закрепления старых или порождения новых событий.

Из всех рифм к словоформам лексемы *бой* в ед.ч. семантически значимыми являются: *бой – судьбой* (Тютчев), *боя – Троя* (Тютчев), *боя – героя* (Пушкин), *бою – судьбою* (Тютчев). При вынесении лексемы *бой* в положение рифмы у Тютчева тесно сочетаются три темы: *жизнь – судьба – бой*. В стихотворении, обращенном к старшей дочери Анне, рано оставшейся без матери, первой жены поэта, Тютчев выносит эти три слова в первые строфы, где судьба-жизнь – борьба, бой:

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою

[8. С. 207].

В стихотворении, написанном в этом же году:

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь,
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь

[Там же].

Первые употребления рифмованной лексемы *бой* у Тютчева использованы в переводе отрывка из Шиллера «Гектор и Андромаха» (1821). Именно они и подготовили последующие семантико-тематические особенности рифмования лексем: «*Пламя пышет боя!.. Сын, супруга, Троя!..*» [Там же. С. 60]. Для Гектора, героя Троянской войны, Троя – это смысл жизни, и жизнь свою он отдал в бою с греками за Троию.

Особый интерес представляют особенности употребления вынесенного в рифму существительного *бой* во множественном числе родительного падежа в русской поэзии XVIII–XX веков. Уникальный для русской поэзии ситуацией оказывается рифма *бóев – геро́ев* в ямбических и хореических (гораздо реже) стихотворениях от од М.В. Ломоносова (1760 г.), В.И. Майкова, поэзии М.М. Хераскова, М.Н. Муравьева, И.Ф. Богдановича, Г.Р. Державина, Д.В. Давыдова, С.А. Ширина, Шихматова, Н.И. Гнедича, В.В. Капниста, А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева, М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, В.Г. Бенедиктова, В.Я. Брюсова до «Белой березки» Ю.Н. Верховского (1920). Можно предположить, что такая рифма является наследием русского классицизма.

Первые поэтические употребления существительного *бой* в форме родительного падежа множественного числа *бóев*, приводимых в НКРЯ, относятся к оде Ломоносова «Петр Великий» (1760): «О войско славное, потомки тех героев, Что, следуя Петру по жатве многих бóев, Торжественные ввек приобрели венцы...». И позднее в оде, посвященной восшествию на престол Елизаветы Петровны (1762) Ломоносов использует эту же рифму: «Исчислите тьму сильных бóев, Исчислите у нас героев...». В 70-х годах XVIII века рифма *бóев – героев* используется традиционно в стихотворениях военной тематики М.М. Херасковым:

О вы, которые прославили героев,
Певицы тишины, певицы страшных боев!
Печально следствие кровопролитных боев
Заставило вздохнуть под лаврами героев...

(Чесменский бой. 1771).

М.Н. Муравьев употребляет эту рифму в стихотворениях «Храм Марсов» и «Военная песнь»: «...Ты днесь творишь героев; Зри, дух твой их ведет средь боев...» (Военная песнь).

Но чаще других берет на вооружение в своих стихотворениях эту рифму Г.Р. Державин. В честь князя Дмитрия Пожарского: «Средь славных подвигов и боев Мы зрим полки у нас героев». Современникам поэта, полководцам Потемкину, Румянцеву, великим Россиянам, матерям героев посвящены такие державинские стихотворения: «... – и честь сия Героев, Приступов монументы, боев Не суть ли знаки их свирепства?» (Памятник герою. 1791); «Священ мне паче зрак Героев, Моих любезных сограждан, Пред троном, на суде, средь боев Душой великих Россиян» (Мой истукан. 1794). Приведенные стихотворения написаны ямбом. А вот несколько хореических: «Вся Россия восставала... Так приветствовала их: “Я покоюсь после боев, Процветайте в тишине; Будьте матери Героев и подпорой твердой мне”» (Праздник воспитанниц Девичьего монастыря. 1797); «Пойте, Пиндары, героев, Полководцев и царей, Пойте громы страшных боев, Блеск оружий, звук

мечей...» (Попугаев. Ода. 1799). В самом начале XIX века также появляются хорейские стихи с этой рифмой: «Пусть среди кровавых боев Буду бледен, боязлив, А в собрании героев Остр, отважен, говорлив!» (Давыдов. Бурцову. 1804).

Первое поэтическое употребление словоформы *бóев* у Пушкина – в стихотворении «Наездники», хотя оно и не выносится в положение рифмы. В первые десятилетия XIX века, а у Державина и раньше, в рифмованной и нерифмованной позиции, наряду с *бóев*, встречается это слово в родительном падеже множественного числа с ударением на втором слоге у Д.В. Давыдова: «Сколько раз на Марсовых Полях, Среди грозы боёв я, презирая страх, ...Тебя, как Бога, призывал...» (Элегия VII. 1817), у А.Ф. Воейкова: «Любимец ветренных богов, Которые играли Тобой средь мира и боёв, Довольно!» (Послание к Д.В. Давыдову. 1819). То есть уже в начале XIX века в поэзии появляются вариантные ударения, которые послужили своеобразной ступенькой для окончательного переноса его на флексию. Но все-таки в большинстве употреблений существительного *бой* в этой форме преобладает еще ударение на начальном слоге. Особенно это характерно для поэзии В.В. Капниста. В его «Оде на смерть Державина» (1816), «Убивстве» (1822), «Славолюбии» (1822) и «Зависти пиита» (1820) настойчиво повторяется эта рифма в контексте с *монархами, вождями, славой, развалинами Фив*.

У Пушкина в родительном множественного употребляется как форма *бóев*, так и *боёв*: «Ты жажда гибели, свирепый жар героев Венок ли мне двойной достанется на часть, Кончину ль темную судил мне жребий боев?» (Война. 1821); «Ты хочешь, мой [наперсник строгий], Боёв парнасских судия, Чтоб тревогой На прежний лад настроя, Давно забытого героя, Когда-то бывшего в чести, Опять на сцену привести» (Плетневу. 1833).

У Лермонтова эта форма встречается в поэме «Олег»: «Ах, было время, время боев На милой нашей стороне. Где ж те года? Прошли оне С мгновенной славю героев» (1829). В 30-е годы А.И. Полежаев в «Кориолане» дважды использует эту рифму: «...Тот Рим, отечество героев, Который он на поле боев Прославил гибельным мечом... Решитель дивных боев Стран далеких не гремит – Над отечеством героев Туча грозная висит». В.Г. Бенедиктов использует эту рифму в 30-е и 50-е годы: «...И последний строй героев, Помня славу прошлых лет, Лег на славу прежних боев, На трофеях ста побед» (Ватерлоо. 1836); «В духе воинов-героев, В бранном мужестве твоём И в смиреньи после боев – Я люблю тебя во всем» (К отечеству и врагам его. 1855).

Последние употребления этой формы НКРЯ фиксирует у В.Я. Брюсова: «Но не в час ужасных боев, возле древних Гавгамел, Ты мечтой в ряду героев безысходно овладел» (Александр Великий. 1899); «Все для игр и славных боев Дни бестенные найдут» («Свен Краснозубый

на Полюсе диком...». 1898–1900) и Верховского: «Иль эти холмы – не гробница Прапращуров живых людей, Забвенью преданных героев, Неведомых, но страшных боев – Безвестной славы мавзолей?» (Белая березка. 1920).

Надо отметить, что уже в стихотворениях И.Г. Эренбурга (1916), В.В. Маяковского (1917) и К.Д. Бальмонта (1917) употребляется современная форма *боёв*, а еще раньше ее использует К.К. Случевский: «И не в одном лишь пламени боев, Где русской крови и не счесть потоков, Наш корпус выдвигал ряды своих сынов» (Воскресшее предание. 1890).

В поэзии XX века словоформа *боёв* гораздо реже, чем в XVIII–XIX веках выступает в рифменной позиции, но, с другой стороны, эта форма можно сказать, освободившись от стесненных рамок классицистической рифмы *бо́ев – ге́роев*, значительно расширяет лексико-тематическую рифменную базу, с одной стороны, и ритмический строй, с другой. Так, у Мандельштама: «Он был закален для высоких боев И двигался мерно вперед, И сколько за ним шелестело шагов Не знал, отправляясь в поход» (Карл Либкнехт. 1925). У Хлебникова: «Это время кулачных боев Груды народной и свинцовой пули».

В.В. Маяковский в статье «Как делать стихи» писал: «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспоминать ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе... Я всегда ставлю самое характерное слово в конце строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало» [9. С. 248–249]. Надо сказать, что рифма Маяковского *боёв – своё* была одной из первых с притяжательным местоимением: «Дней шоферы / и кучера гонят / пулей / время своё, а как будто / лишь вчера были / бури / этих боёв» (Октябрь. 1926).

Стихи советских поэтов показывают, насколько многообразны рифмы к словоформе *боёв*.

П.Н. Васильев: «Навстречу нахлынут по гривам песков Горячие вьюги побед и боев» (Конь. 1930).

А.Т. Твардовский: «Да, так ты мог в огне боев Подумать и сегодня О том, что памятно без слов, О ночи новогодней» (Новогоднее слово. 1941).

М.А. Светлов: «Старожилы победных боев, Мы из племени большевиков» (Клятва. 1941).

С.С. Бехтеев: «Спите, родные герои Славных, великих боев! К вам в гробовые покои Доступа нет для врагов» (Царским орлам. 1917–1954).

О.Ф. Берггольц: «Да, идет по местам боев Поколение твое и мое» («Я иду по местам боев...»). 1964).

Аксиоматичное представление о языке как системе будет весьма поверхностным, если мы не будем замечать, что происходит с этой системой при малейшем изменении в каком-либо из ее звеньев. Казалось, что может измениться в ритмо-мелодическом и семантическом строе поэзии

с передвижением ударения на последующий слог в одном из ключевых слов военной лексики? А вместе с этим передвижением разрушилась сама поэтическая традиция, базировавшаяся на классицистической рифменной привязанности *ббев – героев*. И это передвижение, если так можно выразиться, отправило рифму *боёв* в «свободное плавание». Отсюда: *боёв – шагов, своё, песков, без слов, большевиков, врагов, твоё* и др. Таким образом, передвижка ударения с основы на флексию включила в рифменные позиции не только новую флексию родительного падежа существительных мужского рода *–ов* (а их многие сотни), но и притяжательные местоимения среднего рода. Притяжательные местоимения множественного числа *мои, твои, свои* (реже в родительном падеже) в свою очередь могут послужить рифменной базой для новых ударений лексемы *бой* в им.-вин. пад. *бои*, где происходил тот же процесс – перенос ударения с основы *бои* на флексию.

Литература

1. Словарь церковнославянского и русского языка. Репринтное изд. СПб., 2001.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.
3. Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.01.2015).
6. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М., 2011.
7. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
8. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987.
9. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

Брянский государственный университет
им. И.Г. Петровского